

75
лет

21 ВЕК
ВОДНИЙ

ВЕСТНИК

Информационно-аналитический журнал

1⁽⁷⁴⁾/2020

ИСААКИЕВСКИЙ СОБОР

СИМВОЛ ГОРОДА, НЕ СЛОМЛЕННЫЙ БЛОКАДОЙ

Великая Отечественная война, ставшая беспрецедентной трагедией в истории народов России, коснулась каждой семьи. Из поколения в поколение передается память о подвиге, героизме и мужестве наших предков. О тех, кто сражался на фронте и бился с врагом, освобождая родную землю. О тех, кто ковал Великую Победу в тылу и кто сохранял культурное наследие нашей страны в суровые военные годы. Нелегкая задача в этом деле легла на плечи не сломленных блокадой ленинградских музейных работников. Их профессионализм и бескорыстное служение на благо родины навсегда останутся в памяти мно-

гих поколений. Благодаря им сохранились представляющие мировую ценность шедевры музеев города, благодаря им мы видим возрожденные и процветающие пригородные дворцы и парки. Несмотря на ежедневные массированные обстрелы Ленинграда удалось сохранить и уникальное архитектурное наследие нашего города, частью которого является выдающийся памятник истории и культуры – Исаакиевский собор (1818–1858). В его летопись Великая Отечественная война вписала свои трагические страницы.

За десять лет до начала войны в соборе был открыт музей. В те годы он носил название «Государственный Антирелигиозный музей (бывший Исаакиевский собор)», сокращенно – ГАМ.

С первых дней войны штат сотрудников ГАМа был сильно сокращен, многие из них мобилизованы, в том числе в пер-

вых рядах на фронт ушли директор музея И. М. Штрейхер и его заместитель по научной части Е. И. Востоков. Сам музей был закрыт для посетителей, но в нем ни на минуту не прерывалась деятельность по сохранению национального культурного наследия.

За несколько лет до начала войны во многих ленинградских и пригородных музеях были разработаны эвакуационные планы на случай военного положения или иных экстремальных ситуаций. В соответствии с ними уже в ночь на 23 июня 1941 г. началась упаковка и подготовка большей части ценных коллекций из пригородных дворцов-музеев. В несколько очередей они в июле-августе были переправлены в города Горький (Нижний Новгород), замененный после фашистской бомбардировки в ноябре 1941 года на Новосибирск, и Сарапул (Удмуртия). Экспонаты последней очереди эвакуировать в тыл уже не представилось возможным – город был молниеносно окружен врагом, транспортные пути отрезаны, началась блокада. Одним из хранилищ в Ленинграде, куда было можно доставить оставшуюся часть коллекций, стал Исаакиевский собор.

Решение устроить здесь одно из основных музейных хранилищ было принято по ряду причин. Во-первых, здание собора само по себе представляло прочное

А.В. ГОЛОВАНОВА,
начальник научно-исследовательского отдела
ГМП «Исаакиевский собор»,
Ю.В. МУДРОВ,
директор ГМП «Исаакиевский собор»,
почетный академик Российской Академии художеств

Снятие защитного укрытия с памятника Петру I

и надежное укрытие. Были учтены особенности архитектурного памятника: толщина сводов и стен, доходящая до пяти метров, а также достаточно глубокие подвалы на массивном основании. Кроме того предполагалось, что разрушение подобной реперной точки, удобной для пристрела (высота собора вместе с крестом – 101,5 м), не будет являться целью дальнобойной артиллерии врага.

Во-вторых, уже в первые дни войны в связи с молниеносным продвижением немецких военных частей в сторону Ленинграда в городе начались работы по защите и сохранению объектов культурного наследия. На следующий день после объявления войны, 23 июня 1941 г., возглавлявший Отдел по охране памятников Ленинграда Н.Н. Белехов представил в исполком Ленгорсовета проект решения о необходимых срочных мерах по эвакуации городских и пригородных музеев и дворцов, а также план первоначальных мероприятий по защите архитектурных памятников и монументов Ленинграда. В тот же день на совместном совещании Ленгорсовета и обкома ВКП(б) было предложено принять ряд

мер в отношении охраны и защиты Исаакиевского собора – одного из ценнейших памятников архитектуры и искусства. Его сохранение стояло в ряду государственных задач. Одной из таких мер стало решение в короткие сроки произвести маскировку его куполов.

Покрытый золотом центральный купол Исаакиевского собора являлся хорошим ориентиром для авиации противника. Именно поэтому он (и четыре малых купола на звонницах) были замаскированы уже в первые дни войны. Маскировка остальных ленинградских доминант – куполов и шпилей Петропавловского собора, Михайловского (Инженерного) замка, Адмиралтейства и других – пришла уже на осень 1941 г. 17 сентября был издан приказ, который регламентировал начало общегородских маскировочных работ и создание специальной бригады, которую возглавила Ольга Фирсова. Вошел в эту бригаду и Алоиз Земба, принимавший участие в маскировке куполов Исаакиевского собора.

Работы на куполах Исаакия производились под руководством инженера Л.А. Жуковского начиная уже с треть-

Огородные работы в Александровском саду

го дня войны и были окончены к 9 июля 1941 года. Общая площадь работ составила 2600 кв. м. Пять куполов собора были покрыты защитной шаровой краской. Масляная краска серо-голубого, дымчатого цвета, которую использовали

для окраски боевых кораблей, также хорошо сливалась с мглистым ленинградским небом, как и с морскими волнами, и надежно скрывала «бликующие» объекты. Использовалась эта краска не на всех архитектурных сооружениях. Так, на покрытые сусальным золотом шпили Петропавловской крепости и Михайловского замка были сконструированы специальные чехлы. Купола же Исаакиевского собора были покрыты позолотой, выполненной огневым способом и имеющей прочное сцепление с металлом, что

давало возможность подвергать ее впоследствии мощным растворам. После войны в 1946 году краску с куполов снимали эмульсией из денатурата, скипидара и щавелевой кислоты и промывали горячей водой с порошком «Новость». В завершение поверхность тщательно протерли суконками и войлоком. Сделанная «через огонь» позолота Исаакиевского собора оказалась достаточно прочной и не нуждается в повторном золочении до сегодняшнего дня. Но реставрировать высотные точки собора (купола, кресты

на них, карнизы с модульонами) все равно пришлось. В 1950-е гг. эти сложные работы были выполнены Ю.П. Спегальским и О.П. Тихоновым. Юрий Павлович Спегальский во время войны стал единственным в городе профессиональным архитектором, работающим на большой высоте. С его участием были укрыты, а после войны отреставрированы шпили многих городских объектов.

В короткие сроки была произведена светомаскировка оконных проемов верхней части собора. Большие окна основного объема заложили кирпичной кладкой. Помимо этого был проведен ряд профилактических мероприятий, направленных на предотвращение пожаров, которые могли произойти от попадания зажигательных и фугасных бомб, в том числе были разобраны деревянные настилы колоннады и балюстрады собора.

В-третьих, Исаакиевский собор был важным объектом противовоздушной обороны. На его колоннаде постоянно дежурили бойцы, которые должны были определять направление налета фашистских бомбардировщиков и давать сигналы зенитной батарее, установленной вблизи собора, неподалеку от Медного всадника, и ведущей заградительный огонь.

И наконец, в-четвертых, собор уже использовался как хранилище ряда городских музеев.

Фондовые предметы самого ГАМа, Музея истории и развития Ленинграда, Летнего дворца и Домика Петра I, а также

Газгольдеры у Исаакиевского собора

Праздничное собрание сотрудников 7 ноября 1941 г.

Ораниенбаумского дворца-музея не вошли в список подготовленных в довоенные годы эвакуируемых. Но в связи с наличием в этих музеях уникальных экспонатов и необходимым принятием срочных мер по организации работ для их сохранения 15 июля 1941 г. вышеназванные музеи (за исключением Ораниенбаумского – он был присоединен к Петергофу) были интегрированы в одну административно-хозяйственную структуру под названием «Объединенное хозяйство музеев УКППЛ¹», сокращенно – ОХМ. Базой ОХМ стал Государственный Антирелигиозный музей в Исаакиевском соборе.

В числе немногочисленного штата научных сотрудников ОХМ в первые дни войны оказались высококвалифицированные специалисты из Музея истории и развития Ленинграда: А.К. Сементовская (в апреле 1945 г., уже перед самым окончанием войны, ее сменила Г.Г. Шпикалова), А.А. Черновский (умер от голода в апреле 1942 г.), Е.Н. Элькин.

В каждом музее при ОХМ приступили к срочной подготовке фондовых предметов к эвакуации или рассредоточению по другим хранилищам города. Сотрудниками научного отдела ГАМа – Н.А. Гребенчиковым, Н.Н. Дмитриевой, Е.И. Лединкиной, А.Н. Смирновым, Л.П. Шейниным и зав. фондами К.К. Плаховым под руководством исполняющего обязанности директора ГАМа ученого секретаря Н.В. Федоровича за короткое время была

организована отправка в тыл уникальной коллекции Государственного Антирелигиозного музея. После отправки второй очереди Федорович был командирован руководить эвакуацией Гатчинского дворца-музея.

Для срочной эвакуации из Исаакиевского собора было отобрано и отправлено в Сарапул двумя очередями (5 июля и 23 августа) 830 экспонатов. Помимо предметов из драгоценных металлов, хранившихся в специальной кладовой, и ценных икон в дорогих окладах, к отправке были подготовлены уникальные чертежи XIX века, две деревянные модели работы М. Салина, бюст О. Монферрана из цветных поделочных камней, три большие картины на валах, сотни предметов декоративно-прикладного искусства (большинство из них – культовые), а также архив научной части музея. Остальные предметы были законсервированы, и некоторая их часть наряду с экспонатами ОХМ перенесена в подвальные помещения собора, в том числе библиотека и церковные облачения. Мелкие предметы были упакованы в ящики и шкафы, а наиболее громоздкие экспонаты, такие как модели лесов и купола, находились на открытом хранении в основном пространстве собора. Из-за невозможности демонтажа на своих местах в интерьере остались бронзовая скульптура, мозаика и настенная живопись.

23 августа 1941 года директором Объединенного хозяйства музеев была назначена Евдокия Игнатьевна Лединкина, научный сотрудник ГАМа. Весь суровый

период блокадных дней Евдокия Игнатьевна неукоснительно и стойко исполняла обязанности по обеспечению оптимальных условий работы всех объектов ОХМ. Она отвечала за эксплуатацию зданий (в том числе светомаскировку, отопление – пока была возможность, утепление водопровода, ремонтно-аварийные работы), за соблюдение трудовой дисциплины и правил внутреннего распорядка, за финансовые отчеты по всем объектам, которые она готовила вместе с главным бухгалтером, и за создание условий для сохранности находящихся в зданиях экспонатов, вместе с которыми в соборе поселились и их хранители. С началом блокады уже к рассредоточенным музейным предметам ОХМ в собор была распределена часть коллекций из дворцов-музеев Гатчины, Ораниенбаума, Павловска, Петродворца, Пушкина.

Для многих сотрудников пригородных дворцов-музеев и аппарата УКППЛ в первый тяжелейший год блокады Исаакиевский собор стал не только местом работы, но и надежным домом. За неимением жилья в Ленинграде часть музейных работников, в том числе трое детей, была размещена в подземных галереях храма-памятника.

Помещение собора было подготовлено к первой блокадной зиме: работала канализация и действовал водопровод – он был поврежден в феврале 1942 г. Осенью 1941 и зимой 1942 г. собор частично отапливался: некоторые из калориферов, установленных в подвале, еще были в строю, и заблаговременно

¹ Управление культурно-просветительными предприятиями Ленгорсовета.

(как это делалось ежегодно) заготовлены дрова. К весне 1942 г. условия проживания стали невозможными. В результате выхода из строя сети ливневой канализации сильно поднялся уровень грунтовых вод. Поступая через плиты и стены пола в подвал, вода подтопила помещения на высоту до 30 см, что сразу же сказалось на условиях хранения музейных экспонатов, а также на состоянии служебных и жилых помещений. Тогда же весной некоторые из сотрудников были эвакуированы, остальные получили квартиры.

Поддержанию сил музейных работников УКППЛ во многом помогало двухнедельное пребывание в специальном стационаре, устроенном в здании Музея истории и развития Ленинграда – особняке Румянцева на Галерной улице.

Еще в сентябре 1941 г. все работающие на территории ГАМа сотрудники были переведены на казарменный режим, в обязательном порядке они должны были ежедневно отмечаться у ответственного дежурного при приходе и уходе с работы. Нарушение внутреннего приказа грозило дисциплинарным взысканием. Жесткая дисциплина и строгий учет рабочего времени не только обеспечивали выполнение задач, стоявших перед ОХМ, но и помогали выявлять заболевших, умерших от голода или погибших в результате артобстрелов.

Руководить подвижнической работой хранителей из пригородных дворцов-музеев, среди которых оказались лучшие сотрудники – Н.В. Вейс (эвакуирован летом 1942 г.), Б.С. Волкинд, А.И. Зе-

ленова, В.В. Лемус (эвакуирована весной 1942 г.), Т.Ф. Попова (эвакуирована весной 1942 г.), М.М. Ребанэ (эвакуирован весной 1942 г.), М.А. Тихомирова, Е.Л. Турова, А.П. Чубова (эвакуирована весной 1942 г.), И.К. Янченко (погибла при артобстреле в августе 1943 г.), – была назначена Серафима Николаевна Балаева, имевшая к этому времени 20-летний музейный стаж. Подвижническая деятельность сотрудников пригородных дворцов-музеев – А.И. Зеленовой, М.А. Тихомировой и других – нашла отражение в дневниках, некоторые из которых были изданы в последующие десятилетия. Анна Ивановна Зеленова уже через неделю после освобождения Павловска от неприятеля вернулась восстанавливать руинированный Павловский дворец. Составленная ею методика реставрационных работ была принята за основу при восстановлении всех пригородных дворцов-музеев Ленинграда, пострадавших во время войны.

Несмотря на фактическое пребывание в Исаакиевском соборе, хранители из пригородов были присоединены к уже существовавшему Объединенному хозяйству только в сентябре 1942 г.

Научные сотрудники и хранители, обессиленные, как и все ленинградцы, в результате голодных блокадных дней, не только выполняли работу по учету и хранению музейных ценностей, перемещая для просушки экспонатов и сверки их наличия нагруженные ящики; они читали лекции в госпиталях, продолжали научно-исследовательскую работу. Кроме того, они вели ежедневный дневник, посвященный теме «Ленинград в дни Великой Отечественной войны».

Кадры сотрудников Объединенного хозяйства музеев привлекались и к созданию новых экспозиций. Так, в 1944 году старший научный сотрудник Е.Н. Элькин была командирована для работы по организации выставки «Героическая оборона Ленинграда», которая после войны

послужила основой для создания Музея обороны Ленинграда.

Однако ни героизм сотрудников, ни принятые защитные меры, в том числе и поднятые в небо аэростаты заграждения, не смогли полностью уберечь от повреждений сам Исаакиевский собор.

Здание не подвергалось целенаправленному обстрелу, но враг вел прицельный огонь по расположенной вблизи зенитной батарее. Во время бомбежек и массированных артобстрелов прилегающей к собору территории осколки разрывавшихся рядом снарядов выбили стекла, повредили наружную мраморную облицовку и кровлю, в которой образовалось множество пробоев; в результате влияния взрывных волн разошлась свинцовая пайка, скреплявшая медные листы. Оказались повреждены наружные конструкции здания, повлекшие впоследствии и повреждения внутреннего декора.

29 октября 1941 г. у северо-западного угла здания разорвался снаряд, осколки

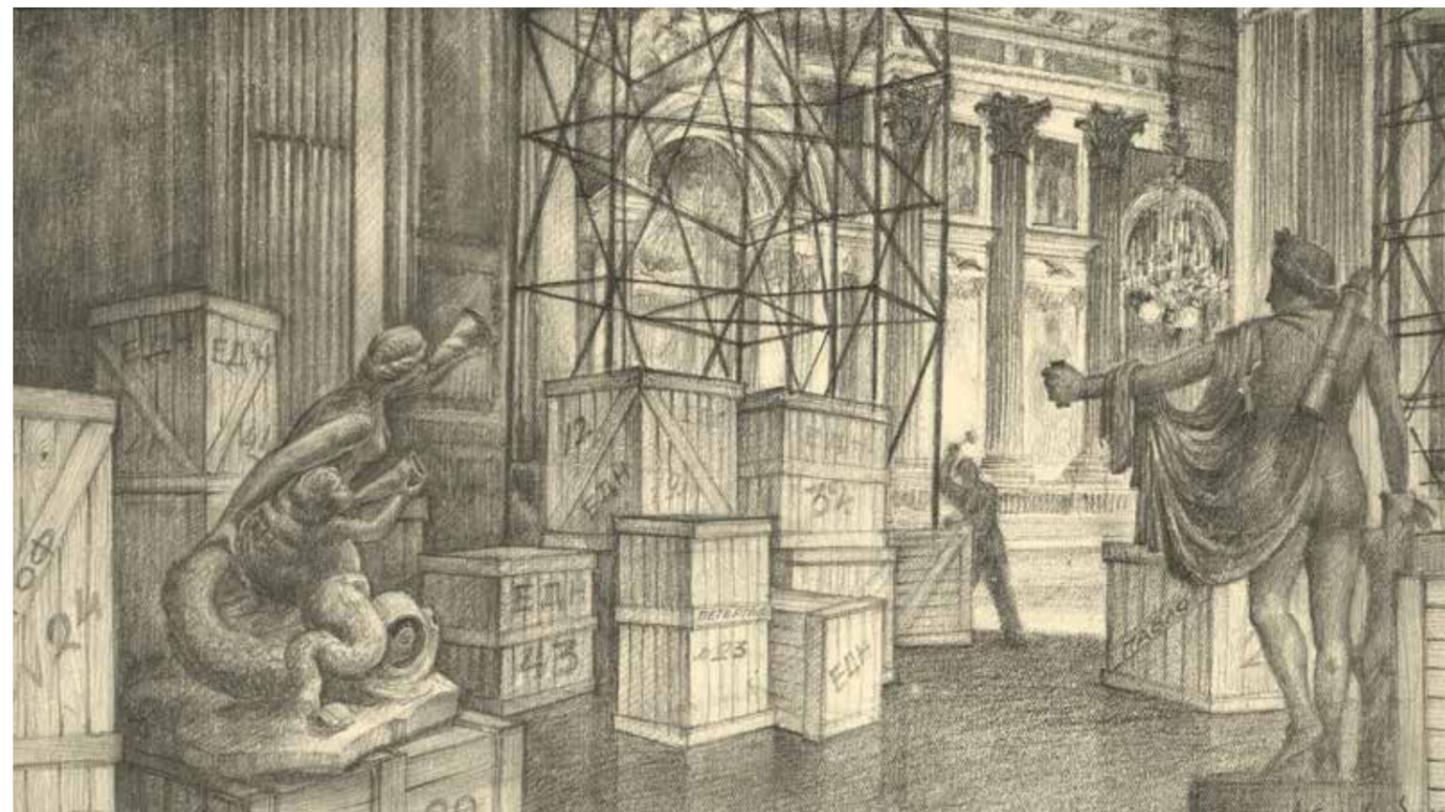
которого во многих местах разрушили мраморную облицовку северной стены (глубина выбоин на мраморе составила 10–15 см) и повредили гранитные колонны северного портика (выбоины до 2–5 см глубиной и 10–15 см в диаметре). Пострадала бронзовая скульптура в нише портика и над большими входными дверями, а также поясок над цокольной частью здания. Взрывной волной была выбита часть стекол. Попадание второго снаряда 14 мая 1942 г. сказалось на состоянии здания более существенно. Этот снаряд пробил медную кровлю и разорвался на своде юго-западного купола. При этом были частично повреждены бронзовая скульптура из композиции И.П. Витали «Ангелы со светильником», медное окрытие и кирпичная кладка парапета, металлические анкерные тяги, стропильные фермы опор и металлическая обрешетка, кирпичная кладка внутренней стены, чердака и свода юго-западного угла. В тот же день осколки других снарядов повредили мраморную облицовку карниза юго-за-

падной колокольни и гранитные колонны южного портика.

Ночью 25 января 1943 г. с северо-восточной стороны собора разорвалась бомба, и взрывная волна частично выбила стекла уникального витража «Воскресший Христос» в алтарном окне.

5 декабря 1943 г. во время артобстрела был поврежден западный портик, осколками серьезно ранило поверхность одной из колонн, стены, ступени. В начале 1970-х гг. на этом месте была установлена памятная доска (арх. В.А. Петров) со словами: «Это следы одного из 148 478 снарядов, выпущенных фашистами по Ленинграду в 1941–1944 гг.». Позднее аналогичные бронзовые памятные доски были размещены на гранитном постаменте скульптуры П.К. Клодта на Аничковом мосту и северном фасаде храма Воскресения Христова (Спаса на Крови), с 1970 г. входящего в состав ГМП «Исаакиевский собор».

В тяжелейшем состоянии оказалось художественно-декоративное убранство

Ящики с музейными экспонатами в Исаакиевском соборе. Рисунок. 1940-е гг.

собора. Сквозь щели и пробоины в кровле снег и дождь проникали в подкупольное пространство и чердачные помещения. Вода, просачиваясь через кирпичную кладку, насквозь пропитывала штукатурку, служившую основой для монументальной живописи.

Под сводами собора находится не имеющая аналогов коллекция монументальной религиозной живописи середины XIX в. Она включает в себя произведения выдающихся представителей классической академической школы: Н.М. Алексеева, П.В. Басина, Ф.А. Бруни, К.П. Брюллова, Ф.С. Завьялова, А.Т. Маркова, Ф.Н. Рисса, Э.А. Плюшара, П.М. Шамшина, В.К. Шебуева. Выполненные масляными красками по сухой штукатурке росписи служили достойным украшением храма и уже в XIX в. считались ценными образцами монументаль-

ной живописи. Начиная с весны 1942 г. здание собора не отапливалось, в морозные зимы стены и своды собора промерзали насквозь, а при наступлении весны оттаивали; поверх росписей проступала влага. Состояние сохранности настенных росписей быстро становилось угрожающим. Лак мутнел и разлагался, осыпался красочный слой. Между живописью и штукатуркой, которая, в свою очередь, местами отставала от кладки, образовывались пустоты. Подобные повреждения послужили основной причиной гибели двух произведений П.В. Басина в парусах плафона северо-восточного купола «Иосиф Обручник» и «Иосиф Ариматейский». В наиболее тяжелом состоянии была живопись Ф.А. Бруни «Сотворение мира» и «Страшный суд».

В результате длительного нарушения температурно-влажностного ре-

жима оказалась утраченной большая часть лепного, золоченого сусальным золотом декора на сводах и карнизах. В неудовлетворительном состоянии находились мозаики. При том, что сама смальта не пострадала, разрушалась цементная основа и мастика, на поверхности выступал известковый налет. Тяжелее всего влажность и сырость сказались на мозаике парусов, имеющих не только большую площадь, но и сложную, близкую к сферической, поверхность. Сильно пострадала внутренняя облицовка из различных пород декоративного камня. Итальянский мрамор стен и пилонов был покрыт сетью крупных и мелких трещин, сколов и выбоин, полировка утрачена; в аварийном состоянии находился мозаичный набор из малахита и лазурита на колоннах иконостаса.

Таким образом, ущерб был нанесен не столько попаданием снарядов, сколько их последствиями для целостности кровли и других конструктивных элементов, а также полным нарушением температурно-влажностного режима, вызванным невозможностью правильной технической эксплуатации здания в блокадный период: впервые за годы деятельности музея собор остался без

отопления и вентиляции, влажность порой достигала 86%.

По запросу директора Объединенного хозяйства музеев Е.И. Лединкиной уже в декабре 1942 г. для аварийно-восстановительных работ по ОХМ государством были выделены средства, которые пошли в первую очередь на ремонтные работы павильонов Летнего сада и кровли Исаакиевского собора. В следующем

году к пролонгированным работам по кровле добавилось финансирование первичной реставрации живописи пилонов.

Пилонная живопись является важным элементом в художественном убранстве собора. Несмотря на мастерство художников и качественные материалы, использованные при написании этих картин, блокадные годы особенно неблагоприятно сказались на их состоянии:

написанные маслом на холсте, они находились в нишах опорных кирпичных пилонов, которые в большей степени пропитались влагой и не могли быть просушены в условиях блокады. На живописных произведениях наблюдались полное разложение лака и большие очаги плесени. Двадцать картин на тяжелых подрамниках высотой почти четыре метра в июле-августе 1943 г. были аккуратно сняты силами научных сотрудников, просушены, очищены от плесени и спустя год отправлены специалистам реставрационных мастерских Государственного Эрмитажа.

После снятия блокады активно приступили к работам по сохранению убранства собора и восстановительным работам по зданиям Объединенного хозяйства музеев.

В Исаакиевском соборе в первую очередь была произведена техническая очистка кровель, карнизов и водосточ-

ных труб, при неисправности которых могли произойти дополнительные протечки. Восстановлено электроосвещение, в том числе семи больших люстр собора. Начаты работы по очистке от плесени и образовавшихся от разложения мастиковки налетов на мозаиках главного и малых иконостасов. В здании Музея истории и развития Ленинграда был восстановлен водопровод и канализация, были подготовлены помещения для реэвакуации музейных предметов. Была проведена контрольная раскопка скульптуры Летнего сада. Силами ОХМ в III квартале 1944 г. был восстановлен Домик Петра I, который после блокады первым среди музеев Ленинграда был бесплатно открыт для массового посещения.

Но основные силы небольшой команды сотрудников музея в Исаакиевском соборе, и в первую очередь директора Е.И. Лединкиной, были направлены на

сохранение самого храма-памятника с его уникальным живописным убранством.

Сразу после снятия блокады в заложённых кирпичом оконных проемах были сделаны большие метровые форточки, исправлены южные двери, которые можно было открывать в теплое время года для просушки собора. Именно на сквозном проветривании, которое являлось наиболее действенным средством для уменьшения влажности внутри здания, настаивал вернувшийся из эвакуации архитектор-хранитель Исаакиевского собора Н.У. Малейн. Тяжелые ящики, мешавшие правильной циркуляции воздуха, пришлось растаскивать и устанавливать их в один или два ряда с соблюдением определенного расстояния.

Но в отсутствие полноценных штатов организовать работы по ремонту собора, его просушку, которая стала возможна только после окончания войны, и одновременно правильное хранение музейных

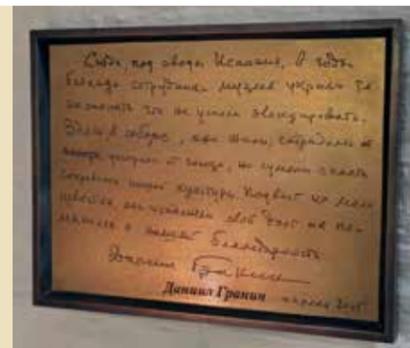
ценностей было нереально. Это стало поводом для докладных записок с обвинением Е.И. Лединкиной в нарушении условий хранения и ее увольнения с должности директора музея в октябре 1945 г.

Случилось это уже после того, как каждый из музеев Объединенного хозяйства занялся решением своих задач и деятельность ОХМ была свернута. Большинство входивших в него сотрудников летом вернулись к работе в своих музеях. Главная материальная и профессиональная база ОХМ – Государственный Антирелигиозный музей – вновь стал самостоятельным государственным учреждением, подчиненным отделу культурно-просветительной работы при исполкоме Ленгорсовета.

Профессионализм, интенсивная работа и личное мужество сотрудников музея помогли сберечь музейные фонды, а также сохранить здание уникального памятника и при первой же возможности начать ремонтно-реставрационные работы. Ущерб, нанесенный зданию в годы войны, был оценен в 2 307 500 руб. Для сравнения – в 1946 г., т. е. в первый послевоенный год, на работы по Исаакиевскому собору было выделено всего лишь 250 000 руб.

Ценности ГАМа, несмотря на то, что решение о реэвакуации было принято

« Сюда, под своды Исаакия, в годы блокады сотрудники музеев укрыли те экспонаты, что не успели эвакуировать. Здесь, в соборе, они жили, страдали, умирали от голода, но сумели спасти сокровища нашей культуры. Подвиг их мало известен, они исполняли свой долг, не помышляя о нашей благодарности. Даниил Гранин, апрель 2005 года».

летом победного 1945 г., вернулись в собор уже после завершения первоочередных ремонтно-восстановительных работ. А в декабре 1948 г. музей открылся для посетителей с новым названием – Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор», которое сохраняется до сегодняшнего дня.

К 60-летию полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады, 27 января 2004 г. в подвале Исаакиевского собора была открыта выставка «Чтобы помнили...», посвященная работникам музеев, хранившим здесь в суровые блокадные годы уникальные коллекции. Благодаря их профессионализму, интенсивной работе и личному мужеству стало возможным в максимальной степени

сохранить огромное число музейных предметов, составляющих немалую часть культурного наследия нашей страны. Об этом подвиге ярко и емко сказал выдающийся советский и российский писатель, общественный деятель, участник обороны Ленинграда Даниил Александрович Гранин во время посещения выставки. Его слова выгравированы на бронзовой пластине рядом с мемориальной гранитной доской, на которой увековечены имена всех работников Объединенного хозяйства музеев, независимо от количества дней, проведенных в соборе: и эвакуированных, и погибших во время блокады, и выживших в те суровые годы – всех, бескорыстно отдавших свой долг для сохранения национального достояния.

